Н. В. Томский,
народный художник СССР,
Герой
Социалистического
Труда

Город мой!

Говорить о Москве — все равно что говорить о России, об Отечестве. Вспомним, ведь и звонкий пушкинский голос звучит на самой высокой ноте, словно прерывается от волнения: «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось!» Люблю Москву за ее сердечность, за ее душевное тепло. Люблю за то, что она, как дом родной, где все в привычку, по характеру, где все обжитое, твое. Дом родной, в котором от поколения к поколению идет преемственность духа и ты сам взращен этим духом, возвышен Москвой. Как Суриков у кремлевских стен, у Василия Блаженного допытывался красок и звуков минувших веков — «Вы видели, вы слышали, вы — свидетели»,— так мы в свой черед перед тем же Василием Блаженным, у кремлевских соборов, на Красной площади слушаем в себе зов, который приобщает нас к духовности исконного наследия. Быть может, с этого и начинается твоя сердечность, Москва, что в тебе познаем, какого мы корня, какого лада люди.

Люблю Москву за то, что она торжественная в величавой строгости Красной площади — на просторе гранита, в чеканной простоте уступов Мавзолея. И она как ритмы пушкинских стихов в колоннах, портиках классической архитектуры; она как сказки няни Арины Родионовны в шатрах, куполках старинных церквей. И молодая она, энергичная, стремительная в разбеге новых проспектов, кварталов. Как многое соединено в этом городе: ритмы плавные, неспешные, напевные — от прежних веков, от самих холмов, на которых стоит Москва, от Москвы-реки, омывающей подножие Кремля, до ритмов сегодняшних, динамичных, нашего века. Здесь, на Москве, не устает взгляд, не устает чувство и все новые и новые впечатления подсказывают взгляду любовь к тебе, город мой удивительный!

«...К украшению своего города, к утехе и удовольствию своего народа» — устами Василия Ивановича Баженова воздадим честь славным зодчим, ваятелям, потрудившимся во славу Москвы. Любы мне памятники нашей столицы. Минин и Пожарский: на фоне арки расписных куполов Василия Блаженного выступает особое благородство бронзы великого Мартоса. Эпос и сказка — «светло светлая и красно украшенная земля Русская», как сказано в древней летописи,— и воплощенный создателем памятника дух гражданственности, служения Отечеству. Можно представить, как в ноябре сорок первого отсюда, с Красной площади, уходили на фронт полки и напутствовала их в бой вековая Москва, напутствовала запечатленная в бронзе доблесть сынов России... Не так давно отпраздновали столетие опекушинского Пушкина. Это само по себе замечательно — праздник монумента! Пушкин на площади Пушкина — он живой, сегодняшний, Пушкин среди москвичей. Время идет, и неизменно «племя младое, незнакомое» приобщается с этим памятником к духовности России, духовности Москвы.

Завидная судьба! Да, Москва устремлена в завтрашний день, мы ощущаем ее молодое, наполненное биение пульса. И не мне одному дано это видеть: взорам нашим незримо предстает присутствие на Москве молодого Герцена и Огарева, Гоголя, Грибоедова... Вековые липы на бульварном кольце, тихие переулки с их привычными московскими именами берегут память. Порой какой-нибудь ампирный особнячок с мезонином столь явственно представит ту, старую Москву, что словно въявь слышишь голоса времен ушедших. И удивительное дело: от дыхания времен бронза старых монументов словно бы живая. Память очеловечивает бронзу.

Равно как и память о годах и событиях, что выпали нам самим на долю. Помню Москву военных лет — мне довелось стать москвичом в сорок третьем, приехав из блокадного Ленинграда. В жестокую ленинградскую зиму первого года войны я работал над монументальным агитрельефом в честь защитников осажденного города. Однажды при артобстреле в разбитое окно мастерской влетел крупный осколок. Он ударил в уже вылепленную фигуру бойца-пулеметчика. Мне было досадно и вместе я был горд: мой пулеметчик погиб, как солдат в бою... И когда в сорок третьем, в Москве, мне поручили поставить две четырехметровые фигуры на новом путепроводе на Ленинградском шоссе, я помнил о своем пулеметчике. Путепровод этот был тогда на окраине Москвы и как бы представлял собой северо-западные ворота столицы, у которых совсем недавно шли бои. Идея битвы за Москву и легла в основу замысла: боец с винтовкой преграждает путь врагу и девушка в военной гимнастерке с автоматом в руках призывает на защиту столицы. Многое мне хотелось сказать этими изваяниями, но главное — передать гнев и ярость, пылавшие в сердцах советских людей. И вот уже сколько лет прошло — во мне живет благодарность той суровой военной Москве, что дала воображению образы высокие и прекрасные.

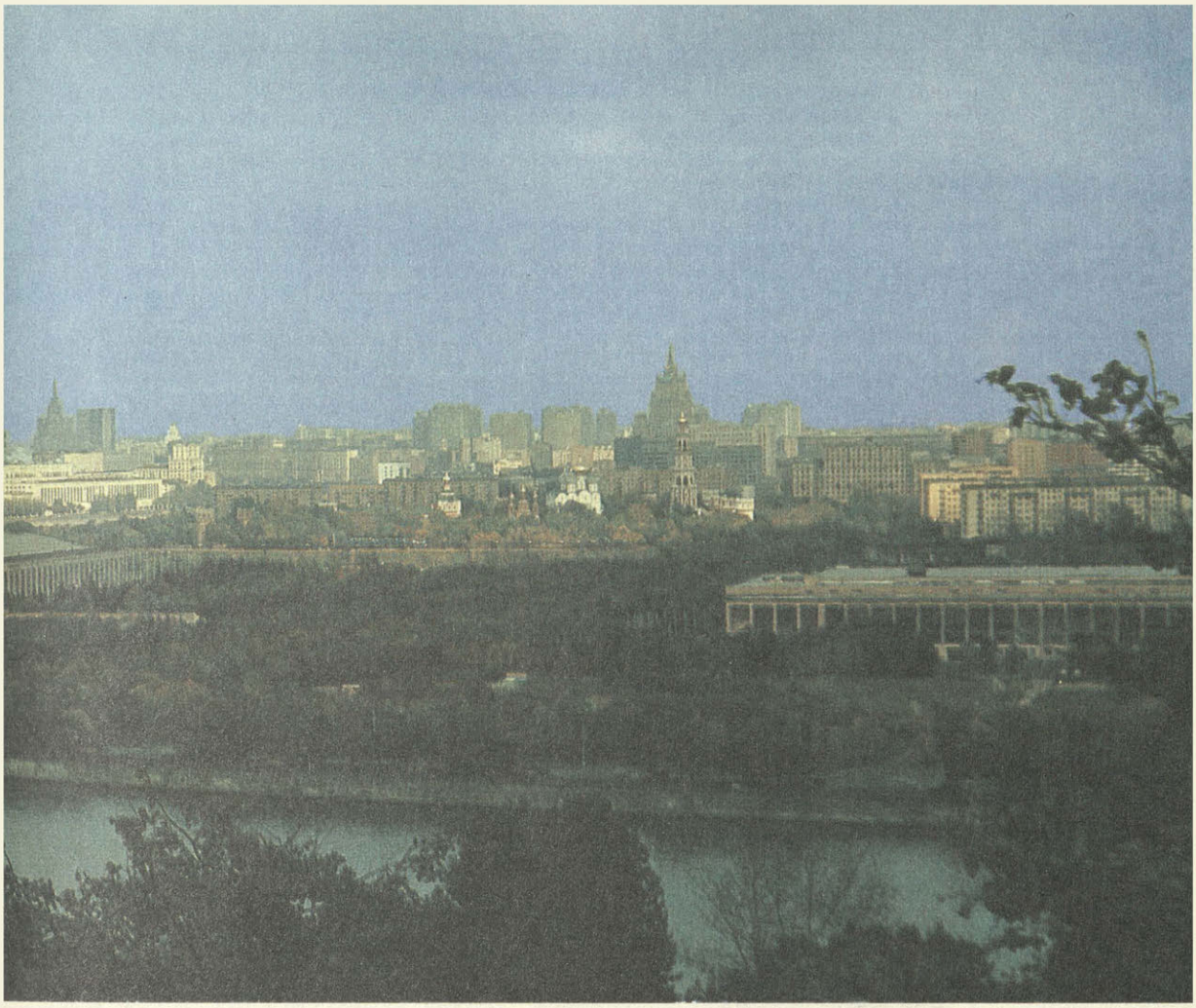
...По роду моей работы в искусстве, конечно же, меня более всего волнует, что даст, что добавит в бронзовую летопись Москвы наше время — как наследуют мои товарищи

по искусству ту честь ваятелей и зодчих, о которой говорил Баженов. Художники и их многие творения заслуживают доброго слова. Люблю смотреть, как в шумном движении Садового кольца стоит Маяковский — памятник Александра Кибальникова: поэт, шагающий улицами Москвы... Нравится Горький — Ивана Шадра и Веры Мухиной. Великий странник, идущий просторами жизни,— как глубоко понят здесь Горький! А стальные титаны Мухиной «Рабочий и колхозница» — в этой скульптурной группе романтика, символ и ясность познания эпохи слиты воедино в эмоционально прекрасной, наполненной до краев содержанием гармонии искусства. По величию и силе духовного воздействия это произведение — образец той монументальной пропаганды, о которой мечтал Ленин.

Но вот о чем хочу сказать. Уже многие десятилетия эта скульптура у входа на ВДНХ стоит не на месте, стоит на усеченном постаменте, который приземляет ее, подрезает ей крылья. По своему образу скульптурная группа Мухиной — окрыленная, летящая над землей — требует открытого пространства, широкой площади, переходящей в стремительный проспект. Для ее выразительного порыва нужен простор. Как нельзя шедевры хранить в запасниках, так нельзя скульптуру Мухиной, имеющую огромное общественное звучание, делать декоративным придатком архитектуры.

Сколь многое нам дано, за что мы должны быть в заботе, в ответе! Ценности старые, ценности новые, традиции, накопленные поколениями, самая духовная осанка Москвы, что образована и ее стариной, и новизной,— все это надо беречь. Беречь, любоваться, любить. Вот, к примеру, когда прокладывали проспект Калинина, то невзрачный, лишенный куполов и колокольни храм Симеона Столпника хотели было снести. К счастью, здравый смысл восторжествовал. И посмотрите, до чего красиво в ансамбле новой архитектуры, открывая перспективу проспекта, стоит ныне памятник древнего зодчества с его нарядным живописным обликом, веселой и затейливой игрой кокошников, главок, шатровой колокольней. Приподнятому, светлому тону архитектуры новой отвечает приподнятый, светлый тон архитектуры старой. Это как улыбка на лице Москвы. Сегодняшняя — от давних времен Москвы... Вот что может сделать уважение к старине.

Или — хочу привести строки: «...Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга, и, вдруг, обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную



4. Вид на Москву с Ленинских гор.

Фото *А. Вятич-Бережных.*

нами борьбу...» Строки эти Александра Герцена. О своей юности, о своем друге — Николае Огареве. Ныне на том месте на Ленинских горах, освященном обетом юности, встал памятник, памятный знак: обелиск и бронзовый барельеф — Герцен и Огарев, когда им было по пятнадцать лет. И здесь же каменная скамья: прийти сюда, посидеть, вызвать их в своем воображении — светлых мальчиков, избравших высокую судьбу. И хорошо, что памятник встал там, где сегодня все молодежное,— рядом университет, Лужники. Юность та, далекая, и юность сегодняшняя. Сверстники! Пусть время не разделяет, пусть будут сверстниками.

Давайте будем беречь, лелеять в себе, в детях, внуках своих святые, чистые образы, что живут в том воздухе истории и современности нашей Москвы, которым мы дышим. Все сберечь, ничему не дать погрузиться в забвение, принести в день идущий, и пусть послужит нам все, что достопамятно в Москве, мерой высокой в побуждениях сердца.

И снова говорю о труде художника-монументалиста. Едва ли не каждый год площади и улицы Москвы обогащаются новыми монументами. Для каждого скульптора создание памятника в столице — честь и ответственность. Ведь памятники воздвигаются на века. Памятники бессмертны настолько, насколько бессмертны дела тех, в честь кого они сооружены. Нам есть, чем гордиться в монументальном искусстве, и немалая доля достижений этого искусства за послевоенные годы приходится на Москву. Но вместе с тем москвичи справедливо выражают недовольство по поводу того, что годами, десятилетиями не сооружаются памятники, некогда заложенные в торжественной обстановке. Разумеется, создать памятник, монумент — дело не легкое, но все же слишком настойчиво зовет к себе Москва труд скульптора, художника-монументалиста, чтобы отговориться ссылками на нелегкость дела. Разве Мартосу было легко, разве Опекушину легко было создавать свои монументы? Почему же нынче — так и хочется сказать: с бестрепетным сердцем — иные мои товарищи по искусству ставят памятники в честь людей, в честь событий замечательных, но такие, при виде которых не всколыхнется высокое чувство!..

По тем монументам, которые мы воздвигнем, потомки будут судить о нашем времени. Образы геройства и чести, овеянные красотой ратного, гражданственного подвига, предстанут общественному взору примером и горением духа. Наше монументальное искусство и живет, должно жить тем самым содержанием, которое с самого начала было намечено в ленинском декрете «О памятниках республики»: выработать проекты памятников, долженствующих ознаменовать великие дни

Российской социалистической революции. До чего ж это верно сказано, и сказано словно бы на все времена: творения искусства — памятники, монументы — должны ознаменовать великие события в жизни народа.

В мемориальном ансамбле на Мамаевом кургане есть стена, напоминающая развернутое знамя, а на ней удивительные, пронзительной силы слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?..»

5. Скульптура «Рабочий и колхозница» В. Мухиной.

Фото *А. Вятич-Бережных.*

К этой стене нескончаемым потоком идут люди. Движутся не спеша, в торжественной тишине, вчитываются в каждое слово, вглядываются в фигуру Матери, склонившейся над убитым сыном. А я всматриваюсь в эти минуты в лица молодых, тех, для кого война кажется сейчас героической легендой. И думаю: не здесь ли, возле этих вечных солдат, сегодняшние юноши должны обретать то исконное мужество, то самосознание, без которого немыслим наш советский человек? Не здесь ли еще сильнее и неразрывнее должны ощутить они свою связь с Отечеством, ощутить корни свои?..

А ведь героикой, одушевлением славных дел, причастностью к судьбам Отечества буквально дышит Москва. Века истории, революция, подвиг народа в минувшую войну — подвиг москвичей — все это неохватное поприще для создания тех образов славы Москвы, которые должны побуждать молодые сердца к благородному и страстному горению. Одна хотя бы только подмосковная битва сорок первого года — страница суровая и гордая в истории Москвы. Здесь память и победа, здесь боль и радость, суровость и нежность. Здесь скорбь о погибших и воля к тому, чтобы война не повторилась. Как все это утвердить художнику в мраморе, бронзе, граните? Чтобы вот так же всколыхнулись живые души и звучали слова клятвы на верность Отчизне, как некогда в виду всей Москвы произнесли свой обет восторженные и чистые юноши.

Хороший памятник многое может сделать. Вспомним: Ленин неразрывно связывал открытие новых памятников с агитацией за те идеалы, которые принесла с собой революция. Мы уже говорили о «Рабочем и колхознице» Веры Мухиной. Когда этот монумент стоял на Всемирной Парижской выставке в тридцать седьмом, первого мая в Париже была демонстрация: обострилась и вылилась в открытое столкновение борьба сторонников Народного фронта с поднимавшим голову фашизмом. Шли пролетарии, сыны Коммуны, и им навстречу сверкали серп и молот в руках титанов Страны Советов. «Вы нам помогли»,— говорил в те дни Мухиной коммунист Луи Арагон... Памятник по-настоящему хорош и необходим людям, когда рождается из глубокой душевной потребности народа, живого народного чувства и отвечает этому чувству. Да, мы еще в долгу перед событиями Октября в Москве, перед Москвой и москвичами времен первых пятилеток, перед военной Москвой, положившей начало разгрому фашизма в Великую Отечественную. В долгу перед Москвой — сердцем Советской страны, средоточием миролюбия и мира в сегодняшнем мире. Монументы, которым предстоит встать на Москве, пусть скажут об этом.

Я убежден, сейчас все идет к тому, что искусство монументальное возглавит процесс художественного развития у нас в стране. Сейчас все, буквально все вызывает на авансцену творчество художника-монументалиста: и крупность социального заказа, и потребность в широком обращении искусства к массам, и самое формирование той материальной среды, в которой осуществляет себя монументальное искусство. Колоссальное строительство, которое идет в Москве,— это и строительство главнейшего центра духовной

жизни народа. Так диктует сегодняшний день, тем более диктует будущее: надо, чтобы в облике столицы раскрывалось существо советского человека — гармония, любовь к жизни, к миру. И все самое светлое, праздничное, прекрасное, что поднимает наш строй, наш день, властью монументального искусства должно быть вынесено на улицы и площади Москвы. Улицы и площади — им быть учителем и поэтом, быть агитатором и художником, быть и наукой, и радостью, дышать красотой человеческой, красотой эпической. Мы вплотную подходим к ленинской мечте — той самой, о городе солнца: Ленин говорил о светлом городе Кампанеллы, когда родилась у него идея монументальной пропаганды.

Но что мешает нам уже сегодня, сейчас планировать и строить «Государство солнца» — могучим потоком ввести изобразительное искусство в городскую среду, плоть и дух городов наполнить трудом художника? Силы талантливые есть и у архитекторов, и у художников. Посмотрите, как шагнула за последнее время наша архитектура: современные стандарты строительства начинают наполняться эмоциональным звучанием, образным смыслом, и не только в отдельных сооружениях, но и в массовой, ансамблевой застройке. Пример недавний — олимпийские сооружения в Москве. Целый городок новой архитектуры светло и просторно вписался на юго-западной окраине в приволье пейзажа, в голубизну московского лета. Убежден: современная, новая архитектура еще скажет свое слово. А что касается творческих сил монументального искусства, то глубочайше верю, что веление времени вызывает к жизни и сколько еще вызовет превосходных талантов. Я верю в нашу молодежь, в те силы, которым вести труд монументалиста.

Что ж, дело, как говорится, за немногим. Чтобы практика градостроительства и архитектуры сблизились с монументальным искусством, необходимо прежде всего дальнейшее сближение самого творческого мышления и зодчих, и художников. Мысль о монументе, о памятнике, о декоративной скульптуре, мозаике или фреске должна быть изначально заложена в работе градостроителей. Планировать город, район, квартал — это значит одновременно планировать и памятник в городе, районе, видеть место памятника, монумента в общей планировке, в архитектуре, ансамбле... Видеть его художественное, образное, смысловое место. Чтобы памятник, монумент, мозаика, фреска своим образом, темой были связаны с традициями, устремлениями, живой душой города. Новый город — Москва будущего — образцовый коммунистический город, вместилище новых мыслей, новых чувств, новых устремлений,— вот цель. Город прекрасного человека — вот цель.

Когда-то, в дни молодости, в студенческое еще время, мне довелось сделать скульптурный портрет Ленина — Володи Ульянова в его детскую пору. И получилось так, что шли мои годы и шла со мной ленинская тема. Оглядываясь теперь назад, вижу, какими дорогими были для меня часы, дни работы в мастерской, когда в глине ли, в мраморе прорисовывался мне заветный образ. Портреты, памятники Ленину в городах страны, которые довелось сделать, памятник Ленину в Берлине, все они дороги мне. Ленин для меня самый красивый на свете человек... Я хочу, чтобы самый лучший памятник в Москве был памятник Ленину. Будет ли это ансамблевое решение, синтез скульптурных, архитектурных, живописных форм или традиционно-классический памятник — бронзовое изваяние на пьедестале — дело не в этом. Главное, чтобы монумент был достоин новой эры и того, кто открыл ее человечеству. Из множества проектов и вариантов, замыслов и предложений пусть родится единственный, удовлетворяющий нашу строгую требовательность. И автором его, возможно, окажется совсем молодой, не именитый, но, несомненно, талантливый и дерзновенный художник. Его увлечет великая красота Ленина, и он передаст эту красоту людям, Москве — на долгие, вечные времена.

...Люблю Москву, город мой!

Запись нашего корреспондента Т. Князевой

6. Дом Советов РСФСР.

Фото *А. Вятич-Бережных.*